

УДК 93/94

ТРИ ЖИЗНИ ГЕНЕРАЛА АКУЛИНИНА* (ЧАСТЬ 1)

© А.В. Ганин

Очерк посвящен реконструкции биографии одного из видных деятелей Белого движения на Востоке России генерала И.Г. Акулинина.

Ключевые слова: И.Г. Акулинин, Оренбургское казачье войско, Генеральный штаб, Первая мировая война.

THREE LIVES OF GENERAL AKULININ (PART 1)

© A.V. Ganin

The sketch is about a biographic research of general Akulinin as a one of the most important persons of the White movement on Eastern Russia.

Key words: I.G. Akulinin, Orenburg Cossack Forces, General Staff, World War I.

История конницы – история ее начальников. Из всех соратников оренбургского атамана А.И. Дутова эти слова относятся к Генерального штаба генерал-майору Ивану Григорьевичу Акулинину в наибольшей степени. Акулинин, пожалуй, – вторая после Дутова по яркости звезда на оренбургском небосклоне периода Гражданской войны и один из наиболее близких Дутову людей практически с самого начала антибольшевистской борьбы. С конца 1917 г. и вплоть до февраля 1919 г. он был ближайшим помощником атамана. Деятельность этого незаурядного казачьего офицера разделилась как бы на три жизни: военная карьера, работа историка и собирателя исторических реликвий и литературное творчество. Если же взять последовательность событий биографии, то и здесь можно выделить три абсолютно разных жизненных отрезка: жизнь в старой России, участие в Гражданской войне и годы изгнания. В каждый из этих периодов Акулинин перенес столько, сколько иные люди не испытывали

за целую жизнь¹.

І. В старой России

И.Г. Акулинин родился 12 января 1880 г. в уральской глубинке – в поселке Урлядинском станицы Карагайской Оренбургского казачьего войска неподалеку от уездного города Оренбургской губернии Верхнеуральска, в семье простого казака. Впоследствии, уже находясь в эмиграции, он так описывал свои родные края: «Поселок Урлядинский лежал на старой линии, которая тянулась от Оренбурга вверх по Уралу и затем шла вниз по реке Ую². Через него пролегало два тракта: на Миасс и на Троицк. Движение в обе стороны было большое, подвод выходило много. В разговорах и просьбах по начальству урлядинцы постоянно жаловались на обременение подводной повинностью... Трактовая дорога

* Исследование осуществлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 14-31-01258a2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914–1922 гг.)».

¹ Различным аспектам биографии И.Г. Акулинина автор этих строк посвятил ряд публикаций [16–26]. В 2006 г. биографический очерк об Акулине, как и вся глава «Соратники Дутова», был изъят издательством «Центрполиграф» из моей монографии «Атаман А.И. Дутов» в целях сокращения объема.

² Поселок в Оренбургском войске соответствует хутору войска Донского. И.А. – прим. И.Г. Акулинина.

была хорошо наезжена. Тарантас двигался легко... По сторонам виднелись приземистые стога сена и высокие скирды хлеба. Местами стояли еще не убранные копны снопов. Картина сжатых полей и выкошенных лугов представлялась довольно унылой, хотя местность сама по себе, с разбросанными на ней холмами и пригорками, была довольно живописна. Вдали синели отроги Уральских гор, а за речкой, по склонам холмов, тянулись березняки. Это были общественные леса, которые казаки в течение лета вырубали нещадно, несмотря на запрещение. Лес в казачьем хозяйстве нужен был дозарезу: на плетни, на оглобли, на веники, на всякие домашние поделки... С горы открывался красивый вид: впереди чернел сосновый бор, виднелась высокая колокольня Карагайской церкви, зеленели березняки»³ [5, с. 81, 85, 88]. Впрочем, довольно рано Акулинину пришлось покинуть родные места.

Будущий генерал окончил Верхнеуральское городское двухклассное училище и в 1900 г. поступил на военную службу вольноопределяющимся. После учебы в Оренбургском казачьем юнкерском училище хорунжий Акулинин был направлен во 2-й Оренбургский казачий полк, располагавшийся в Варшаве [75, с. 21]. Будущий генерал не оставил воспоминаний о первых годах службы, поэтому на помощь приходят его небольшие художественные очерки эмигрантского периода о быте казачества императорской России, в которых отчетливо виден автобиографический элемент. Например, следующее художественное описание: «Сотник, как истый военный, глубоко презирал штатских. Это он хорошо усвоил с юнкерских лет. Его первая служба – до льготы – прошла во 2-м Оренбургском полку, в Варшаве. Там он близко сошелся с кавалерийскими офицерами – среда, которая не переносила штатский элемент... Об академии Генерального штаба сотник думал давно и уже выписал учебники, но с подготовкой дело не ладилось: с зимы откладывалось на лето, с лета на зиму...» [5, с. 87–88].

По нашему предположению, автобиографические элементы прослеживаются и еще в одной художественной зарисовке Акулинина, отображающей ранние годы его службы: «Хорунжий Романов с первого раза производил хорошее впечатление... Военная школа наложила на него определенный отпечаток: в движениях, в манере держаться проглядывали подтянутость и четкость, за которыми скрывалась природная мягкость и склонность к лени. В детстве, как видно, его много баловали.

Ученье и служба давались Романову легко. Начальство его выдвигало, подчиненные любили. Он был хорошим товарищем и, не имея большой склонности к спиртным напиткам, с удовольствием принимал участие во всех полковых кутежах и приятельских пирушках... Однако предпочитал бывать в обществе, в кафе, в ресторанах, особенно с дамами.

Военным делом интересовался серьезно и военную службу считал главным стержнем своей жизни. Был начитан: кроме общей литературы с увлечением читал журналы и книги военного содержания. Посещал лекции и доклады, как на общие, так [и] на военные темы, в особенности, когда выступали офицеры Генерального штаба. С этой стороны служба в Варшаве, как [в] крупном военном центре, представляла большой интерес, и для молодого офицера была весьма полезна.

В Варшавском военном округе офицеры находились на особом счету и занимали привилегированное положение. Одевались все безукоризненно, особенно гвардия и кавалерия. Чтобы казачий мундир сидел хорошо, от портного требовалось большое искусство, и в этом отношении в Варшаве офицер мог быть спокоен: ему все шили красиво и по форме.

В Оренбурге по спине узнавали, откуда приехал незнакомый офицер, – из Варшавы или из Туркестана.

Хорунжий Романов, по рекомендации полкового адъютанта, одевался у одного из лучших портных на Краковском Предместье.

Темно-синий сюртук-чекмень сидел на нем как влитой: диагоналевые рейтузы с синими лампасами были заправлены в вы-

³ В цитатах сохраняется орфография первоисточника.

сокие, кавалерийского образца сапоги...» [2, с. 14]. Даже если речь шла не о самом авторе рассказа, реалии казачьей службы в Варшаве были описаны весьма точно.

Когда началась Русско-японская война, Акулинин добровольцем отправился из Варшавы на Дальний Восток и около двух лет провел в Маньчжурии в 4-м Сибирском казачьем полку войскового старшины Д.С. Калачева. Полк прибыл в Ляоян 11–13 мая 1904 г. [69, Приложения, с. 18]. Как вспоминал служивший в полку сотник П.Н. Шатилов (будущий начальник штаба Русской армии генерала П.Н. Врангеля в 1920 г.), «наш полк был второочередным, т. е. не существовавшим в мирное время, и пополнен офицерами, по большей части служившими в мирное время по казачьей администрации. Калачев, например, был до войны помощником начальника отдела Сибирского войска, другие же исполняли обязанности казначеев отделов, заведывающих хозяйством и т. д. Я был первым офицером, прибывшим со стороны, а не из войска. Потом таких было большинство, и офицерский состав принял совершенно другую окраску, но при моем вступлении в полк я попал в глубоко провинциальную среду, отставшую от военного дела» [76, с. 10]. Таким же прибывшим в полк со стороны офицером-добровольцем был молодой Акулинин. Возможно, по этой причине они и подружились с Шатиловым. Впрочем, в отличие от Шатилова, Акулинин не являлся выходцем из правящей элиты страны и прежде не служил в гвардии.

В конце мая 1904 г. Сибирская казачья дивизия под командованием генерала Н.А. Симонова в районе станции Вафандян прикрывала главные силы I Сибирского армейского корпуса генерал-лейтенанта барона Г.К. фон Штакельберга, выдвинутые для деблокирования крепости Порт-Артур. 31 мая 1904 г. Акулинин и Шатилов получили боевое крещение и тогда же отличились на разведке перед станцией Вафандян, обнаружив ни много, ни мало – наступление 2-й японской армии генерала Я. Оку (штаб Маньчжурской армии ранее ошибочно считал, что армия Оку выполняет пассивную задачу заслона для обеспече-

ния осады Порт-Артура с севера) [69, с. 331].

Оба героя этой разведки оставили свои воспоминания. Подробности произошедшего были следующими. Как вспоминал Шатилов, «поздно вечером 29 мая⁴ я был вызван в штаб полка, где командир полка дал мне прочесть приказание начальника дивизии о командировании трех сильных разъездов на юг. Эта разведка должна была следовать веером по обе стороны железной дороги. Средний разъезд был поручен мне. К моему удивлению, в мое распоряжение дана была целая полусотня с офицером. Этот офицер оказался хорунжий И.Г. Акулинин, прекрасный молодой офицер Оренбургского войска, переведенный в наш полк. Приказание было ясное – мы должны были следовать вперед до встречи с противником и давать о нем сведения.

Выступил я ночью и на рассвете был, примерно, верстах в пяти-шести от Вафандяна. Казаки стали кипятить воду, чтобы – по их выражению – «почаевать», а я поднялся на находившуюся впереди возвышенность, чтобы посмотреть в бинокль на местность, открывшуюся передо мной. Каково же было мое удивление, когда верстах в десяти от меня я увидел широкое облако пыли. Было ясно, что оно поднято проходящими частями, притом в значительном числе.

Я немедленно же скомандовал – «по коням». Казаки вылили воду из своих бакирок (котелков), и я с ними быстро двинулся вперед навстречу поднятой пыли. Пройдя версты две, я поднялся на один из отрогов высот и увидел в бинокль движение довольно значительных японских сил. Спешив казаков за этой высотой, я послал свое первое боевое донесение. Наступающие силы я определил в полторы-две дивизии. Часа через два я получил с казаком конверт с распиской начальника штаба дивизии, что означало, что донесение благополучно дошло по назначению» [76, с. 11].

По свидетельству Акулинина, казаки заметили японцев еще на рассвете, а затем под давлением противника стали отступать,

⁴ Судя по воспоминаниям Акулинина, речь идет о вечере 30 мая.

при отступлении два разъезда, находившиеся к западу от железной дороги, задержались. Это были разъезды полусотни 3-й сотни 4-го Сибирского казачьего полка сотника Шатилова и хорунжего Акулинина.

На одной из высот разъезды спешили, коноводов с лошадьми укрыли в ложине, а начальники разъездов со спешенными казаками повели наблюдение за противником. Как вспоминал Акулинин, «погода стояла чудная. Весеннее солнце светило ярко и к полудню начинало припекать. Воздух был напоен ароматом душистых трав и цветов. Местность кругом была пересеченная: невысокие, но крутые горы к востоку от железной дороги переходили в холмы, изредка покрытые небольшими рощами. Всюду зеленели прекрасно возделанные поля, среди которых виднелись деревушки, отдельные фанзы и кумирни.

Казаки с замиранием сердца следили за передвижением японских войск. До сих пор им приходилось иметь дело только с «обозначенным противником» на полковых учениях и на маневрах. В боевую обстановку офицеры и казаки попали в первый раз.

С высоты хорошо было видно, как по ту сторону железнодорожного полотна двигались передовые японские части с навьюченными пулеметами и горными пушками. За ними, вдаль, постепенно стали показываться головы походных колонн. Местами пылили артиллерия и обозы.

Время от времени с крутого холма кубарем скатывался одиночный казак с крепко зажатым пакетом в руках. Ловко прыгнув в седло и взмахнув нагайкой, он наметом скакал в тыл, чтобы доставить в штаб очередное донесение.

Из непрерывно поступавших донесений начальник передового отряда вскоре составил себе ясную картину, что от Пуландяна наступает вся японская армия» [6, с. 114]. Оставаться на холме становилось опасно, но азарт молодых необстрелянных офицеров толкал их на риск.

По воспоминаниям Акулинина, «вахмистр Комов, степенный сибиряк с окладистой бородой, прекрасно разбиравшийся в обстановке, подошел «к их благородиям» и в почтительной форме доложил, что пора бы и сниматься; тем более, что позади хо-

роших наблюдательных пунктов еще много.

Но тут один из казаков крикнул:

– Ваше Благородие, японцы, и показал рукой направо.

Офицеры взялись за бинокли; но и простым глазом было видно, как из ближайшего леса выходит колонна, силою около батальона» [6, с. 114].

Шатилов считал, что Акулинин нервничал сильнее его и все время порывался открыть огонь [12, л. 118]. По свидетельству Шатилова, «на занятой высоте я решил остаться и около двух часов дня я обнаружил, что японская пехота движется и с западной стороны железной дороги. В голове шло около двух батальонов; что шло за ними, я не видел. Эти батальоны двигались в походной колонне прямо на нас. Я находился в весьма приподнятом настроении; эта разведка была моей первой боевой работой, и я сознавал, что наступило время на нашем фронте крупных операций и что случай привел меня сыграть значительную роль в выяснении сил противника. Я не расставался с биноклем, который оказался в этот день моим главным оружием; это был призматический «краус», который перед моим отъездом в Маньчжурию подарил мне отец.

Рядом со мною все время находился Акулинин. Время от времени казаки пытались подняться на вершину, но я возвращал их назад, чтобы они не выдали нашего расположения, а Акулинина я время от времени посылал объяснить казакам обстановку. Сами мы, притаившись у кустика, наблюдали за японцами: хотелось их подпустить как можно ближе, чтобы открыть огонь на дистанцию действительного ружейного выстрела, т. е. шагов на 700–800.

Когда колонна была, примерно, в 1500 шагах от нас, я приказал Акулинину поднять полусотню, «сботовав» предварительно лошадей. «Ботовать» лошадей – означало притянуть повод одной шеренги к другой, тогда лошади не могли вырваться, а только могли кружиться на месте. Для наблюдения за ними оставили по одному казаку на взвод. Остальные же казаки ползком, очень осторожно поднялись на гребень и стали заряжать винтовки. Видя спо-

койно двигавшихся японцев, они стали выражать нетерпение, желая скорее открыть огонь, но я знаками их успокаивал. Наступила мертвая тишина.

Когда японские дозоры подошли к нам совсем близко, я открыл огонь залпами, назначив прицел в тысячу шагов. Уже первый залп повалил много японцев. Сейчас же последовали второй, третий, четвертый и пятый залп. Японцы стали разбегаться в цепь. Ясно было видно, как они разбегались в беспорядке, но не назад. Казаки стреляли частым огнем, но вскоре японцы стали отвечать, однако их пули сначала летели через наши головы. Они, очевидно, еще не установили точно, где мы находимся.

Спустя минут десять японцы стали наступать перебежками, выделив из колонны две роты нам в обход с запада. Стрельба их стала для нас более действительной – появились раненые, по счастью легко, их я отправил с проводником верхом в тыл; но скоро один из моих урядников получил тяжелое ранение в грудь. На выстрелы подошла к нам по железной дороге дрезина, на которую я и погрузил раненного урядника. Фельдшера у меня не было, и мне самому пришлось делать раненым перевязки.

Между тем, японцы продвигались с небольшими остановками. Посланные нам в обход их роты уже стали нам угрожать справа. Ведя этот бой, я, однако, не должен был забывать своей главной задачи по разведке. Я все время следил за движением главных японских сил, наступавших к востоку от железной дороги, и время от времени при появлении новых колонн посылал начальнику дивизии подробные донесения. На одно из них я получил от него благодарность с указанием продолжать разведку.

Японцы подошли уже ко мне шагов на четыреста, а обходящие роты открыли по нам огонь с фланга. Чтобы продолжать наблюдение, я решил отойти на следующий кряж, что мне и удалось сделать, не обнаружив своего отхода. Расположившись на новой, более высокой, возвышенности, я продолжал свои наблюдения. Но эта возвышенность, несмотря на свою большую высоту, уже не давала мне того обзора, какой был раньше. Скоро японцы продвину-

лись до моей прежней позиции и стали наступать опять на нас.

В это время я получил от своего командира полка приказание присоединиться к полку. Более раннее распоряжение начальника дивизии поручало мне продолжать разведку, командир же полка требовал ее прекращения. Я был в затруднительном положении. Решив остаться на месте, я послал Калачеву донесение о том, что его распоряжение расходится с приказанием начальника дивизии и для того, чтобы я присоединился к полку, мне необходимо подтверждение, что моя задача окончена. К вечеру, когда японцы уже подходили к нашему расположению, и я собирался вновь вступить с ними в перестрелку, я получил повторное приказание командира полка немедленно вернуться. Отсалютовав японцам новыми пятью залпами, я снялся с позиции и пошел на рысях к Вафандяну. Было уже темно, когда я нашел свой полк. Так кончилась моя первая боевая разведка, мое боевое крещение» [76, с. 11–12].

Описание боя Акулиным несколько отличается. Как отмечал Акулинин, после трех удачных залпов японцы побежали, однако вскоре, выстроившись цепями, вновь стали атаковать казаков. Полусотня не могла сражаться с батальоном, и было решено как можно скорее отходить, чтобы не попасть в окружение, тем более, что главные силы японцев уже продвинулись по другую сторону железной дороги далеко вперед. Самый опасный момент – посадка на коней – прошел благополучно. Отходили лавой, пренебрегая опасностью. Как вспоминал Акулинин – «у начальников разъездов было слишком много молодого задора. Да и казаки, разгоряченные перестрелкой, совсем вошли во вкус боевой обстановки. Приятно было сознавать, что побывали под пулями и получили боевое крещение» [6, с. 115]. Несмотря на возможность скрытного отхода, полусотня отходила, рассыпавшись в лаву по открытому склону, обращенному к японцам. Сотнику Шатилову пуля попала ногу, у Акулинина была легко ранена лошадь, ранения получили несколько казаков.

За успешную разведку в 1904 г. молодые офицеры были награждены аннинским

оружием. Шатилов, благодаря этой разведке, даже прославился в дивизии, а документы, связанные с обнаружением разъездами японского наступления вошли в официальную многотомную историю Русско-японской войны [70, с. 3].

Позднее Акулинин был отмечен орденами Св. Станислава и Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом. За разведку на реке Шахэ командующий армией в 1905 г. лично вручил ему орден Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. В том же году Акулинин был удостоен ордена Св. Станислава 2-й степени с мечами [44, л. 232 об.]. Русско-японская война дала будущему казачьему генералу богатый опыт боевого применения конницы, пригодившийся ему впоследствии в годы Первой мировой и Гражданской войн.

В связи с революционными событиями Акулинин был отозван в Оренбургское казачье войско и назначен младшим офицером и полковым адъютантом в 14-й Оренбургский казачий полк войскового старшины М.Л. Юдина, занимавшийся наведением порядка непосредственно на территории войска. К сожалению, данных о том, чем именно занимался в этот период сам Акулинин, не сохранилось, можно предположить, что ему пришлось выполнять канцелярскую работу и срочные поручения командира полка. Однако о трудностях, которые выпали на полк в борьбе с революционерами, следует сказать особо.

Полк мобилизовался на борьбу с беспорядками не одновременно, а постепенно, сотня за сотней, решениями Наказного атамана Оренбургского войска, принимавшимися по мере ухудшения обстановки в войске. К середине декабря 1905 г. были мобилизованы уже три сотни полка, а 5 января 1906 г. завершилась мобилизация всех шести сотен, которые затем были собраны вместе [43, л. 2; 58, л. 13]. В 1906 г. полк нес службу, как в самом Оренбурге, так и в тех районах, которые были отрезаны из-за весеннего половодья от «большой земли», охранял помещичьи усадьбы.

Служба у полка выдалась нелегкой. Революционеры всячески пытались натравить население на казаков, обострить и без того сложную обстановку. Казаков в революци-

онной прессе именовали не иначе, как голворезами и душегубами. Подлинными заложниками ситуации были сами казаки, которые не разбирались в тонкостях политической борьбы и лишь выполняли свой долг, за что подвергались всевозможным унижениям и оскорблениям. Доставалось и офицерам полка. Например, радикальная оренбургская газета «Степь» взяла интервью у выгнанного денщика командира полка с целью скомпрометировать его бывшего начальника [72, 3 июня]. Другие материалы революционной печати того времени отличались не меньшей нелепостью: «Все надежды казаков 6-й сотни 14 полка на удовлетворение их неоднократных жалоб начальству на жестокое обращение есаула [И.М.] Тарасова рухнули. Теперь казаки собираются от лица всей сотни служить молебн Николаю Угоднику, надеясь, что хоть через угодника избавятся⁵ от ненавистного есаула» [72, 18 июля].

Кульминацией событий 1905–1908 гг. в Оренбурге стал «расстрел» у Беловской тюрьмы 22 мая 1906 г., связанный с действиями казаков полка, в котором служил Акулинин. Этот инцидент, являвшийся не чем иным, как провокацией левых экстремистов, был в полной мере использован ими в целях радикальной антиправительственной пропаганды. На примере «оренбургской Гапоновщины» любопытно рассмотреть и проанализировать не только механизм политической провокации, но и схему нагнетания экстремистами массовой истерии.

События 22 мая разворачивались следующим образом [28, л. 93–94]. В этот день в Оренбурге экстремисты организовали тайный митинг на одной из окраин города. Затем революционно настроенная толпа с пением соответствовавших моменту песен двинулась в город. Всего в процессии участвовало пятьдесят человек во главе со студентом Лесного института В. Бялоблочким и супругой политзаключенного С. Ососкова. По пути толпа нарастала. Маршрут процессии пролегал к Беловской тюрьме, где находились под стражей некоторые полит-

⁵ В тексте статьи «избавиться».

заклученные, которые с 17 мая объявили голодовку.

С пением «Марсельезы» толпа остановилась перед тюрьмой. В это время заключенные стали бить стекла и выбрасывать из окон красные флаги. Тогда из тюремных ворот вышел караул казаков 14-го Оренбургского казачьего полка и попросил митингующих разойтись. На это с криком «Бей казаков» из толпы было произведено два револьверных выстрела, одним из которых урядник Пастухов был ранен в большой палец левой ноги.

В ответ на эту провокацию караул произвел два залпа шестью выстрелами, после чего толпа рассеялась, оставив одного убитого и одного раненого, который позднее скончался. Через несколько минут толпа вновь стала собираться на площади. В это время туда прибыл взвод казаков, предложивший толпе мирно разойтись, а в ответ посыпался град камней. Тогда казаки с помощью шашек и нагаек разогнали толпу. В ходе столкновения два мещанина были легко ранены шашками, один человек пострадал в драке с неизвестным.

Кто же оказался в числе жертв «расстрела»? Ответ настолько парадоксален, что полностью подтверждает гипотезу о том, что караул стрелял поверх голов. Жертвы были совершенно случайные: приезжий слесарь М.Н. Золотухин (19 лет) и мещанин И.Т. Скаков (45 лет). Последний оказался прохожим, который в митинге не участвовал, а спокойно шел с женой по улице и нес самовар, в двух местах пробитый пулями. Для провокаторов, стремившихся на народной крови заработать себе политический капитал, случайность этих жертв не имела значения. Был повод для раздувания социальных противоречий, и он был использован.

Сразу началось намеренное искажение произошедших событий, нашедшее свое отражение в мемуарах более позднего времени. Согласно довольно нескладной революционной версии, демонстрация подошла к тюрьме и вдруг полицеймейстер Волженцев закричал: «Бей их, руби, стреляй!». Раздались два выстрела, затем казаки стали рубить демонстрантов шашками, шлепали пули [73, с. 53]. Непонятно, как при этом в

толпе могло погибнуть только два человека. Газета «Оренбургский край» также привела сомнительную версию: «Два казака из числа окруживших тюрьму, позвякивая затворами ружей, стали стрелять в ошеломленную толпу, многие из которой в суматохе напоролись на колючую изгородь. Несмотря на крик одного офицера: «Что вы делаете? Зачем стреляете?» – казаки продолжали рубить (! – А.Г.) публику, снова слышались выстрелы...» [42, с. 110].

Депутату Государственной Думы от Оренбургской губернии Т.И. Седельникову была вскоре направлена телеграмма следующего содержания: «Сейчас в 8 часов вечера безоружная толпа, мирно шедшая к тюрьме просить политических заключенных прекратить голодовку, была расстреляна казаками. Двое убитых и несколько раненых. Подробности завтра. Протестуйте» [73, с. 54]. Можно предположить, что провокация у тюрьмы была специально организована в период работы первой Государственной Думы, чтобы событие получило возможно большую огласку.

Объектом героизации революционерами был избран слесарь Золотухин, поскольку мещанин Скаков, не будучи пролетарием, на роль народного героя не годился и в акции 22 мая даже не участвовал. Анонимные авторы из газеты «Степь» намеренно раздували по сути своей незначительный эпизод [72, 26 мая]. В настоящую демонстрацию протеста переросли похороны Золотухина 26 мая, в которых участвовало около шести тысяч человек [41, с. 23]. Как водится, в этот день рабочие Оренбурга прекратили работу. Среди венков был и один с провокационным посвящением: «От группы сознательных убитых горем казаков. Жертве казачьей темноты» [38, с. 159].

«Степь» после похорон постоянно напоминала о произошедших событиях. В более поздних номерах о них появлялась самая разнообразная информация. Так, в № 19 подробно перечислялись все венки на могилу Золотухина, а затем газетчики обрушились с беспощадной травлей на тех казачьих офицеров и даже нижних чинов, которые были, с их точки зрения, повинны в произошедшем возле тюрьмы. В номере от 30 мая «Степь» бичевала вахмистра

14-го Оренбургского казачьего полка Константинова и командира того же полка М.Л. Юдина [72, 30 мая]. Доставалось и другим офицерам. Так, по мнению неизвестного автора: «во время похорон (Золотухина. – А.Г.) командир 6 сотни есаул [И.М.] Тарасов приготовил 6 верховых казаков с винтовками на тот случай, как бы покойный не встал из гроба и не крикнул казакам заслуженного оскорбления» [72, 30 мая]. На самом деле действия Тарасова были абсолютно правомерны, ведь похороны, превратившиеся в массовую политическую манифестацию, стали для провинциального Оренбурга центральным событием того дня. Что же касается газетного сообщения, то, несмотря на всю его абсурдность и не слишком утонченный юмор, оно, очевидно, одобрительно воспринималось в определенных, радикально настроенных кругах. Революционеры вели агитацию не только через печать, но и непосредственно в полку. Такие попытки, в частности, предпринимались в отношении казаков первой сотни 14-го полка, охранявших один из центров оренбургского пролетариата – главные железнодорожные мастерские [32, с. 59]. Например, сторож токарного цеха Королев говорил казакам, что у них скоро отнимут землю, что им плохо живется и т. д. [27, л. 27]. В некоторых случаях пропаганда достигала успеха. Так, за распространение прокламации «Товарищи солдаты и казаки», подготовленной оренбургской группой РСДРП, по приговору Казанского военно-окружного суда был лишен звания, заключен на два месяца в тюрьму и переведен в разряд штрафованных старший урядник 3-й сотни 14-го Оренбургского казачьего полка, казак станицы Ильинской 1-го военного отдела С.И. Тимофеев [29, л. 11, 13; 35, с. 97]. На 1907 г. он находился под надзором.

Новый Наказный атаман Оренбургского казачьего войска Генштаба генерал-майор Ф.Ф. фон Таубе писал 24 мая 1906 г., что «чины 14 полка сначала отдельными сотнями, а потом и в составе всего полка, со времени формирования несут весьма трудную службу по предупреждению и прекращению беспорядков в г. Оренбурге, будучи всегда готовы явиться по первому

требованию гражданских властей; на полк же возложена и охрана мест заключения, железнодорожных сооружений (мастерских, мостов и др.), Казначейства, Государственного Банка, почтово-телеграфной конторы; кроме того, на полк же, по увольнении в запас нижних чинов 310 пехотного Стерлитамакского полка, возложено несение караульной службы с 23 января сего года по настоящее время...служба в месте постоянного командирования, гораздо труднее, нежели в уездах...» [58, л. 298 об.]. И действительно, казакам после выполнения своей задачи предстояло жить в этих краях вместе с семьями и даже, вероятно, встречаться с теми, кого они усмиряли. Почти наверняка казаки учитывали этот факт, участвуя в подавлениях. Все эти соображения в очередной раз подтверждают известную истину о крайней неэффективности применения воинских частей по местам их формирования.

Однако власти повели себя крайне неосторожно, задержав на восемь (!) месяцев выплату суточных казакам 14-го полка, столь важного для обеспечения безопасности войсковой столицы. В результате накопилась значительная сумма в 37 282 рубля 50 копеек, которую надо было выплачивать, чтобы успокоить растущее недовольство казаков [58, л. 355]. Кончилось тем, что 14-й Оренбургский казачий полк поставил начальству ультиматум – до 18 июня выдать суточные, иначе казаки разъедутся по домам. Когда были вызваны на усмирение солдаты, казаки с ними договорились не стрелять друг в друга. 16 июня казаки полка предъявили лично посетившему полк Наказному атаману целый ряд вопросов: [42, с. 160–161].

1. Для чего они собраны: для сохранения порядка или для охраны интересов помещиков и капиталистов?
2. Оправдывает ли служба затрачиваемый расход?
3. Определен ли срок службы?
4. Будут ли семьи казаков обеспечены всем необходимым от казны, а не от обществ?
5. Каковы гарантии семье в случае гибели казака и в чем заключается пособие?

6. Почему не улучшен казарменный быт и не выданы постельные принадлежности?
7. Будут ли казаки выведены из подчинения полиции, злоупотребляющей их использованием?
8. Будет ли установлен надзор за качеством пищи и фуража?
9. Почему несвоевременно выплачиваются банные деньги и делаются из них вычеты?
10. Облегчится ли служебное положение казаков в связи с ежедневной службой?
11. Когда будут выданы обмундировочные деньги, деньгами или формой (казакам было желательно деньгами. – А.Г.)?
12. Почему запасные казаки не заменяются на службе льготными казаками второй очереди?
13. Будет ли прекращена отдача под суд и аресты казаков за маловажные проступки?
14. Будут ли выданы деньги за лошадей, как было объявлено атаманом 1-го военного отдела при формировании сотен?
15. Для чего пятая сотня полка командирована в село Спасское и когда будет возвращена?

Большинство вопросов касалось материального положения казаков. Не без внешнего влияния в список были включены и политические вопросы. Процесс политизации казачьей массы набирал обороты. Возможно, на казаков повлияли размещенные по соседству солдаты 242-го Белебеевского резервного батальона, прибывшего в Оренбург с Дальнего Востока в состоянии брожения, а экономическое недовольство казаков революционеры попытались направить в политическое русло. Гарант безопасности Оренбурга, 14-й Оренбургский казачий полк, защитивший город и губернию от экстремистов в самое неспокойное время, был расформирован 9 сентября 1906 г. [22] Нельзя исключать того, что революционная пропаганда, а также многочисленные провокации в отношении чинов полка оказали влияние на формирование мировоззрения молодого Акулинина и сказались через десятилетие на его решении принять активное участие в борьбе с большевиками. Тем более что после неприятной службы на подавлениях в 1906 г. Акулинин перевелся в гвардию, попал в Санкт-

Петербург и даже был приближен к императорской семье.

Акулинин поступил на службу во вторую Оренбургскую сотню только что сформированного элитного Лейб-гвардии Сводно-казачьего полка. Этот полк был одной из самых необычных воинских частей русской армии. Сформирован он был в соответствии с Высочайше утвержденным Положением от 27 мая 1906 г. в ознаменование вековых исторических заслуг Астраханского, Уральского, Оренбургского, Сибирского, Семиреченского, Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск, не имевших, за исключением Уральского войска, своих гвардейских частей. Основой формирования послужила Лейб-гвардии Уральская казачья Его Величества сотня, ставшая первой сотней полка и переименованная с 9 августа 1906 г. в 1-ю Уральскую Его Величества сотню.

Пропорционально численному составу, от остальных семи казачьих войск на формирование полка были назначены: от Оренбургского войска – сотня, получившая порядковый номер второй, от Сибирского войска – полусотня и по взводу от Астраханского и Семиреченского казачьих войск, составивших третью сводную сотню, полусотня от Забайкальского войска и по взводу от Амурского и Уссурийского войск, составивших четвертую сводную сотню, переименованную 2 апреля 1911 г. в четвертую Приамурскую сотню. По штату, утвержденному 27 мая 1906 г., в полку полагалось иметь в мирное время 668, а в военное – 674 человека. Командир полка должен был быть генерал-майором.

В постановлении Военного совета от 30 мая 1906 г. предписывалось «выбор офицеров для первоначального укомплектования вновь формируемого полка произвести по усмотрению наказных атаманов подлежащих казачьих войск... с тем, чтобы офицеры эти были избраны из отлично аттестованных (преимущественно из наиболее отличившихся в Русско-японскую войну) и принадлежащих к войсковому сословию своих войск...» [59, л. 4 об.]. Именно таким отличным боевым офицером и был И.Г. Акулинин, удостоенный чести быть переведенным в гвардию.

9 августа 1906 г. полку были дарованы права и преимущества Старой Гвардии. Шефом полка с 9 августа 1906 г. по 4 марта 1917 г. являлся сам император Николай II. Старшинство полка велось с 6 апреля 1830 г., когда Лейб-Уральской сотне были пожалованы права и преимущества Молодой Гвардии, и она была преобразована в Лейб-гвардии Уральскую сотню. Полковой праздник отмечался 6 апреля, в день Св. Евтихия.

Формирование полка завершилось к 28 октября 1906 г., причем организационно воинская часть была включена (до 23 марта 1916 г.) в состав 3-й бригады 1-й гвардейской кавалерийской дивизии (с началом Первой мировой войны бригада преобразована в Сводную казачью дивизию). С 23 марта 1916 г. полк находился в составе Гвардейской казачьей бригады Сводной гвардейской кавалерийской дивизии.

Первым командиром полка стал бывший командир Лейб-гвардии Уральской казачьей Его Величества сотни генерал-майор Л.И. Жигалин (1859–1926). Его помощниками были полковник В.Г. Хорошин (уралец) и П.И. Кременцов (оренбуржец). Адъютантом полка стал сотник 1-й Уральской сотни Н.А. Колпаков.

Полковой штандарт был пожалован новой части 9 августа 1906 г. и имел надписи «1798–1898» и на скобе «1906 Лейб-Гвардии Сводно-Казачьего полка» и Андреевскую юбилейную ленту (пожалована Лейб-гвардии Уральской казачьей Его Величества сотне 2 января 1899 г.). Парадная форма для чинов полка была установлена в соответствии с приборными цветами их войск. Уральцы и семиреченцы получили малиновые мундиры, оренбуржцы – голубые, сибиряки – алые, астраханцы, забайкальцы, амурцы и уссурийцы – желтые. Такого же сукна были тульи фуражек и вальтрапы при парадной седловке. Повседневная форма с 1910 г. была для всех чинов из темно-синего гвардейского сукна с белыми кантами по обшлагам рукавов. 4 октября 1912 г. был утвержден полковой знак в виде золотой императорской короны, опиравшейся на две залитые черной эмалью, скрещенные атаманские насеки, которые

обвивал бант из Андреевской эмалевой ленты.

Как уже отмечалось, в полк набирались офицеры с опытом Русско-японской войны. В 1906–1914 гг. трое офицеров полка окончили академию Генерального штаба: подьесаулы Н.Н. Мартынов (уралец) и И.Г. Акулинин (оренбуржец), сотник Г.В. Рябов-Решетин (астраханец). Два офицера, сотник В.В. Мазуркевич (уссуриец) и хорунжий Н.А. Михайлов (сибиряк), поступили в академию. Из казаков в полк командировались, как правило, лучшие в своем войске, как в физическом, так и в нравственном отношениях люди. Все казаки были грамотные.

Конский состав сотен сильно различался по качеству, причем лучшие лошади были у уральцев и оренбуржцев. Масти лошадей различались по сотням: в 1-й и 3-й – гнедые, во 2-й – серые, в 4-й – наполовину гнедые, наполовину серые. Полк неоднократно получал первые призы на спортивных состязаниях войск гвардии, например, три года подряд в лыжной гонке на 15 километров с боевой стрельбой. Лучшими в стрельбе были казаки третьей и четвертой сводных сотен, тогда как казаки второй сотни лучше других владели холодным оружием. При полку действовало спортивное общество, организовывавшее соревнования [14, с. 175–186; 15; 33; 36, с. 146].

Оренбургской сотней тогда командовал будущий соратник Акулинина по борьбе в период Гражданской войны есаул (впоследствии – генерал-лейтенант) Л.П. Тимашев. Шефом полка числился сам император. Зимой 1906–1907 гг. полк провел в Авангардном лагере Красного Села под Петербургом в бараках, но уже к осени 1907 г. специально для полка были выстроены каменные казармы. Первая сотня полка дислоцировалась в Петербурге на Караванной улице, возле Михайловского манежа, вторая оренбургская сотня – в Гатчине, а к осени 1907 г. в Павловске были выстроены двухэтажные каменные казармы и конюшни для штаба, третьей, четвертой сотен и команд полка. В 1909 г. для полковых офицеров и чиновников в Павловске и Гатчине были выстроены квартиры с удобствами: для обер-офицеров – в 4 комнаты с кухней

и для штаб-офицеров и командиров сотен – в 6 комнат с кухней. Квартиры превышали по площади существовавшие к тому времени нормы для офицерских чинов. Помимо жалования, офицеры полка получали от своих войск ежемесячные пособия на представительские расходы в размере от 20 до 40 руб., в зависимости от чина и должности.

В период 1907–1909 гг. все сотни полка ежемесячно (по две сотни) несли охранную службу в дворцовых парках Царского Села, Павловска и Гатчины. В целях упреждения беспорядков, команды и сотни полка также поочередно несли дежурство в районе Охтинских пороховых заводов и посада Колпино. Так как царскосельский и павловский парки были общедоступны в любое время суток, конные патрули должны были ежедневно следить в них за порядком, а также сопровождать членов царской семьи при их прогулках по паркам. Офицеры дежурных сотен по всем воскресным и праздничным дням удостоивались приглашения на Высочайшие завтраки и принимали участие в торжественных мероприятиях в Высочайшем присутствии.

Акулинин первоначально служил младшим офицером полка, позднее стал помощником начальника учебной команды и и. д. полкового адъютанта [31, л. 135 об.]. Годы службы в гвардии позднее вспоминались Акулининым как один из лучших периодов его жизни. Акулинин писал, например, что «летом 1907 года наплыв дачников в Гатчину был почему-то особенно многочисленным. В парках, на улицах, в дачных садах и на виллах, – всюду царило большое оживление; слышался смех, веселые разговоры, по вечерам из раскрытых окон неслись звуки музыки и пения. Хорошая погода еще больше способствовала всеобщему веселью... Большое разнообразие в жизни Гатчины в то лето внес Л.-Гв. Сводно-Казачий полк. Повсюду в парках, на улицах мелькали малиновые, голубые, оранжевые фуражки офицеров и казаков.

Полк был вызван из Красносельского лагеря для несения караульной службы при Гатчинском Дворце. Такое доверие, такая высокая честь, выпавшая на долю полка, была оценена по достоинству, как офице-

рами, так и рядовыми казаками. Те и другие тянулись вовсю, чтобы не ударить в грязь лицом перед старыми гвардейскими полками и перед своими Войсками (имеются в виду казачьи войска, от которых были направлены в гвардию офицеры и казаки. – *А.Г.*), пославшими их служить в Царскую Гвардию...

Дворцовая служба была не трудная, но ответственная. Время было тревожное. Смута, разразившаяся в 1905 г., еще не улеглась. Всюду на Руси было неспокойно, во многих местах вспыхивали крестьянские волнения, в городах происходили забастовки, совершались террористические акты. Требовалась чрезвычайная бдительность. Сотни полка поочередно занимали дворцовые караулы, пешие и конные. Пешие составлялись внутри и снаружи Дворца, конные – внутри Дворцового парка.

Помимо караульной службы в полку велись усиленные строевые занятия в конном и пешем строю. После русско-японской (т. е. Русско-японской. – *А.Г.*) войны в Русской армии налегли особенно на стрелковое дело..., но главное внимание уделялось все-таки конному делу. Рубка, уколы пикою и шашкою, джигитовка были поставлены во всех сотнях блестяще» [11, с. 8–10].

Служба проходила не без различных курьезных ситуаций, которые позднее с любовью вспоминал Акулинин. Например, в его оренбургской сотне служил молодой хорунжий Суров – выпускник Николаевского кавалерийского училища. Суров отличался разного рода чудачествами и казачьей команией, чем вызывал усмешку даже высочайших особ. Этот офицер носил пышный «кок» волос, что обычно позволяли себе только нижние чины. Из Оренбурга он привез настоящий казахский кош – войлочную кибитку, которую ко всеобщему удивлению поставил на сотенном дворе и украсил туркменскими коврами. Около коша Суров разводил костер и жарил беляши, а в казане варил татарский «бешбармак», которым угощал знакомых [11, с. 12–13].

В свободное время оренбургские офицеры, в том числе и Акулинин, посещали дом генеральши Мартыновой в Гатчине, где проходили шумные танцевальные вече-

ра и веселые кутежи. Как вспоминал Акулинин, «в ее гостеприимном доме собиралось самое разнообразное общество военное и штатское. Пожилые играли в карты, тянули густую наливку и вели умные разговоры; молодые танцевали, пели, играли на рояли, ухаживали и тоже с удовольствием прикладывались к наливке, которую мастерски изготовляла экономка фрейлен Мари. Центром внимания молодежи была дочь хозяйки, хорошенькая брюнетка Валерия Патрикеевна, только что покинувшая стены Смольного института» [11, с. 15].

Будущий генерал в этот период встречался с представителями правящей династии и даже беседовал с великой княгиней Ольгой Александровной и с самой императрицей Александрой Федоровной. Позитивные впечатления, вынесенные Акулининым из этого общения и нашедшие отражение в его написанных в эмиграции воспоминаниях [11, с. 9–15], не могли не сделать его убежденным монархистом. В 1910 г. Акулинин числился сотником полка. Не позднее 1909 г. он женился на уроженке Санкт-Петербургской губернии [67, л. 7 об.]. К сожалению, подробностей о первом браке Акулинина обнаружить не удалось.

По всей видимости, новый виток карьеры и попадание в гвардию усилили карьерные амбиции молодого офицера, приведя его к решению поступать в академию Генерального штаба. Скорее всего, поначалу Акулинин отнесся к вступительным экзаменам не слишком серьезно. Первую попытку поступить в академию хорунжий Акулинин предпринял еще в 1908 г., пройдя предварительные испытания при штабе Петербургского военного округа. Но затем потерпел неудачу, получив 8 баллов за топографическое черчение, 6 баллов по немецкому и 5 баллов по французскому языку, а по верховой езде оценку «удовлетворительно» [47, л. 311, 312, 326, 552].

Неудача не сломила будущего казачьего генерала, и на следующий год он вновь штурмовал стены академии, но срезался на этот раз еще на этапе предварительных испытаний при окружном штабе:

Баллы сотника Лейб-гвардии Сводно-Казачьего полка И.Г. Акулинина на предварительных испытаниях 1909 г. в Петербургском военном округе [48, л. 24 об.–25].

Предмет	Балл
Тактика	10
Задачи по тактике	5
География	10
Политическая история	8
Русский язык	10
Средний балл	8,6

Очевидно, что неудача произошла из-за низкого балла за задачи по тактике, поэтому, засев за знаменитый учебник тактики К.Н. Дуропа [11, с. 13] и проявив завидную целеустремленность, молодой и честолубивый гвардейский офицер И.Г. Акулинин предпринял третью попытку пробиться в Генеральный штаб. Стремление Акулинина в академию Генерального штаба поистине поразительно, но только третья попытка будущего генерала увенчалась успехом.

На предварительных испытаниях 1910 г. в Петербургском военном округе он получил следующие баллы:

Баллы сотника Лейб-гвардии Сводно-Казачьего полка И.Г. Акулинина на предварительных испытаниях 1910 г. в Петербургском военном округе [48, л. 2].

Предмет	Балл
Тактика	9
Задачи по тактике	8
География	8
Русский язык	10
Средний балл	8,8

Этого балла оказалось достаточно для прохождения предварительных экзаменов. Разница в 0,2 балла между средними баллами И.Г. Акулинина в 1909 и 1910 гг. показывает, что положительный результат при поступлении в Академию зависел буквально от десятых долей балла. На вступительных экзаменах в академию Акулинин получил следующие баллы:

Результаты вступительных экзаменов сотника Лейб-гвардии Сводно-Казачьего полка И.Г. Акулинина в академию (1910 г.) [51, л. 7–108].

Предмет	Балл
Французский язык. 26 августа	10,5
Топографическое черчение. 27 августа	9
Верховая езда. 28 августа	хорошо
Математика: алгебра; геометрия; тригонометрия; средний. Генерал-лейтенант В.В. Витковский, полковник Д.Д. Сергиевский. 4 сентября	7; 4; 7; 6
Фортификация. Генерал-майор Н.А. Буйницкий, генерал-майор А.И. Ипатович-Горанский. 7 сентября	9,5
География (русская; общая; средний балл). 11 сентября	12; 12; 12
Русский язык. 15 сентября	12
Военная администрация. Свиты Его Величества генерал-майор А.А. Гулевич, генерал-майор Н.Н. Янушкевич. 18 сентября	11
Артиллерия. Полковник С.С. Дурново, полковник П.Д. Комаров. 21 сентября	10,5
Политическая история (общая; русская; средний балл). 24 сентября	9; 11; 10

Экзамен по русскому языку, который давал большой процент отсева [34, с. 121], Акулинин сдал на максимально возможный балл. Изучение документов, относящихся к различным периодам жизни этого офицера, не может не привести исследователя к выводу об абсолютной грамотности и большим литературным дарованием И.Г. Акулинина. Интересно, что 9,5 балла он получил по фортификации у своего будущего подчиненного, известного военного инженера, впоследствии генерал-лейтенанта А.И. Ипатовича-Горанского – в 1918 г. Ипатович-Горанский возглавлял военно-инженерное управление Оренбургского военного округа, главным начальником которого являлся Акулинин. По итогам вступительных экзаменов Акулинин оказался двадцать пятым со средним баллом 9,55 [49, л. 45].

Надо сказать, что поначалу будущий генерал учился не очень хорошо. При окончании младшего класса он был лишь 76-м, набрав 9,5 балла [54, л. 19].

Успеваемость сотника Лейб-гвардии Сводно-Казачьего полка И.Г. Акулинина в младшем классе академии (1910/11 учебный год) [50; л. 11, 85–109; 52, л. 83–93]

Предмет	Балл
Тактика (пехоты; артиллерии; кавалерии; средний балл)	10; 8; 10; 9,3
Геодезия	7
Сведения по части артиллерийской	9
Политическая история	10
Летние тактические занятия в поле. 10–21 августа 1911 г.	9
Полевые поездки. Подполковник А.А. Балтийский. 6 сентября 1911 г.	10
Летние практические занятия по тактике артиллерии. Подполковник В.Г. Болдырев	10
Съемки (черчение; 1-я и 2-я полунструментальные; средний балл; глазомерная съемка; общий средний балл)	9; 10; 11; 10,5; 11; 10,2

Такая же успеваемость в дальнейшем грозила Акулинину окончанием академии лишь по второму разряду, поэтому в старшем и дополнительном классах он взялся за учебу всерьез. В старшем классе академии он имел следующие баллы:

Успеваемость сотника Лейб-гвардии Сводно-Казачьего полка И.Г. Акулинина в старшем классе академии (1911/12 учебный год) [53, л. 13–57; 55, л. 2, 4]

Предмет	Балл
Военная администрация	9
Тактика. Полковник А.А. Незнамов	10
Военная история	11
Сведения по части инженерной	10
Военно-морское дело	12
Политическая история	12
Разведка; полевая поездка; средний балл.	12; 9; 10
Полковник В.Г. Болдырев	

Баллы за съемки 2-го Псковского района (1-я и 2-я глазомерные; общий средний балл). Генерал-майор А.К. Баиов	12; 12; 12
--	---------------

Как и следовало ожидать, будущий казачий историк имел лучшие баллы именно по историческим дисциплинам. По итогам переводных экзаменов и полевых поездок старшего класса Акулинин получил 10,3 балла и, будучи 43-м по списку, был переведен на дополнительный курс [54, л. 8]. В том же списке на 52-м месте находился будущий генерал-лейтенант, а тогда еще уланский штабс-ротмистр В.О. Каппель, получивший 10,1 балла [54, л. 8 об.].

На дополнительном курсе слушатели должны были представить к защите несколько тем (по военной истории, военному искусству и стратегии). За первую тему по военной истории, доложенную 20 декабря 1912 г., сотник Акулинин получил 11,5 балла, оппонентами выступили генерал-майор Н.Н. Юнаков (впоследствии начальник штаба Румынского фронта) и полковник О.К. Энкель (один из руководителей русской разведки и будущий начальник финского Генерального штаба) [46, л. 293]. Акулинин уже в чине подьесаула 16 марта 1913 г. докладывал доставшуюся ему тему по военному искусству: «Резерв, его виды и применения. Примеры из русско-японской войны 1904-1905 гг.». Оппонентами на защите выступили будущий главнокомандующий армиями Северного фронта (с 9 сентября 1917 г.) полковник В.А. Черемисов и будущий вождь Белого движения на Юге России подполковник С.Л. Марков [56, л. 4]. За свой доклад Акулинин получил 11 баллов [45, л. 140]. 8 апреля 1913 г. – доклад третьей темы и тоже высокий результат.

Баллы сотника И.Г. Акулинина за стратегическую тему [56, л. 182, 188, 276]

Тактико-стратегический	Общая тактика. Полковник П.Ф. Рябиков	9,5
	Тактика пехоты. Полковник Б.В. Геруа	11
	Тактика кавалерии. Полковник В.З. Савельев	9,5

отдел	Тактика артиллерии. Полковник В.Г. Болдырев	9
	Средний балл за тактико-стратегический отдел	9,8
Военно-статистический отдел. Генерал-майор Г.Г. Христиани		11
Военно-административный отдел		11,5
Общий средний балл		10,8

Самый низкий балл за третью тему Акулинину поставил не кто иной, как будущий главнокомандующий войсками Уфимской Директории Генерального штаба генерал-лейтенант В.Г. Болдырев. Остается только гадать, как это отразилось на взаимоотношениях двух генералов в период Гражданской войны, но в 1918 г. именно В.Г. Болдырев утвердил производство И.Г. Акулинина в генерал-майоры [68, л. 1].

Средний результат Акулинина за темы составил 11,1 балла. При окончании дополнительного курса он оказался девятым по списку, со средним баллом 10,7. Для сравнения, штабс-ротмистр В.О. Каппель был лишь пятидесятым, его средний балл составлял 10,1, так что Каппель едва не оказался под чертой, и при менее благоприятном для него стечении обстоятельств мог не попасть в Генштаб.

По окончании дополнительного курса подьесаулу (со старшинством с 8 августа 1912 г.) И.Г. Акулинину, а также четверым его сокурсникам, были присуждены премии за стратегические темы. Акулинин был отмечен премией имени генерал-лейтенанта А.А. Зейфарта «за лучшие съемки и кроки» [57, л. 5 об.], получил он и право на преподавание курса военной истории в военных училищах без предварительных испытаний, а также был награжден «за отличные успехи в науках» орденом Св. Анны 2-й степени [57, л. 11]. Между прочим, орденом Св. Анны 3-й степени был за окончание Академии награжден и В.О. Каппель. Лучшие офицеры выпуска могли выбрать, соответственно, и наилучшую вакансию, например, в Петербургском военном округе, однако подьесаул Акулинин предпочел Одесский военный округ, при штабе которого ему, после месячного отпуска домой, предстояло пройти девятимесячное испытание на предмет соответствия службе в Гене-

Рис. 1. И.Г. Акулинин (5-й слева в первом ряду) среди выпускников Императорской Николаевской военной академии. 1913 г.

ральном штабе (прикомандирован к штабам VII армейского корпуса, 13-й пехотной дивизии и затем VIII армейского корпуса [31, л. 136]).

3 мая 1913 г. состоялся прощальный товарищеский обед офицеров – выпускников академии. В тот же день от имени всех выпускников начальник академии генерал-лейтенант Н.Н. Янушкевич отправил приветственную телеграмму на имя Военного министра генерал-адъютанта В.А. Сухомятина: «Офицеры дополнительного курса вверенной мне академии выпуска 1913 года, собравшись на прощальный товарищеский обед, просят Ваше Высокопревосходительство повергнуть к стопам Его Императорского Величества чувства безграничной преданности и готовность применить приобретенные знания во славу обожаемого Державного Вождя и на пользу дорогой родине» [57, л. 85]. Император Николай II ответил: «Сердечно благодарю окончивших академию офицеров и желаю им успешной службы» [57, л. 88]. Завершив свои дела, выпускники разъехались по России, чтобы больше никогда не собраться вместе, – это был предпоследний выпуск академии перед Первой мировой войной.

В академические годы Акулинин проявил себя как целеустремленный, упорный и честлюбивый офицер. Три его попытки поступить в академию свидетельствуют о

необычайно сильном стремлении попасть в это высшее военно-учебное заведение. В конечном итоге будущий генерал добился успеха. Будучи выходцем из уральской глубинки, Акулинин сумел получить блестящее образование: окончил Оренбургское казачье юнкерское училище по первому разряду, Императорскую Николаевскую военную академию по первому разряду и Офицерскую кавалерийскую школу. Позднее, когда в родной станице Акулинина, Урлядинской, осенью 1918 г. открылось Высшее начальное училище, он писал на свою малую родину: «Поздравляю дорогих станичников [с] открытием Высшего училища. Радуюсь новому рассаднику света и знания. В просвещении молодого поколения наше будущее» [30, л. 1233]. Тяга к знаниям отличала Акулинина на всех этапах его жизненного пути.

Карьера Акулинина до 1917 г. была вполне успешной. На всех этапах своей офицерской службы Акулинин показал себя с лучшей стороны: отличился в Русско-японскую, был одним из лучших в академии, в годы Первой мировой войны заслуженно награжден за выдающуюся храбрость и умелое планирование боевых операций. Таким образом, к началу Гражданской войны он обладал большим опытом руководства войсками и, несомненно, стал

одним из лучших офицеров Генерального штаба армии адмирала А.В. Колчака.

По окончании академии в 1913 г. Акулинин был причислен к Генеральному штабу [37, с. 30]. Тогда же созрело решение защищать диссертацию на звание профессора по военной истории на тему «История Оренбургского казачьего войска». Находясь в 1913–1914 гг. по делам службы в Петербурге и проходя обучение в Офицерской кавалерийской школе, Акулинин в полной мере использовал представившуюся ему возможность вести исследовательскую деятельность. С осени 1913 г. он приступил к сбору источников по истории Оренбургского войска. Для подготовки диссертации Акулинин много работал в государственных и частных книгохранилищах и архивах столицы, использовал документы оренбургского Войскового архива, Главного управления казачьих войск, Казачьего отдела Главного штаба. Из Войскового архива (Оренбург) Акулинин получил все материалы, собранные подьесаулом С.Н. Севастьяновым и исторической комиссией генерала Н.Г. Лобова (19 томов исторических актов Оренбургского казачьего войска в хронологическом порядке).

Начальник казачьего отдела Главного штаба генерал-майор П.О. Агапов (сам оренбургский казак) предоставил в распоряжение Акулинина архив бывшего Главного управления казачьих войск и казачьего отдела, где Акулинин нашел все донесения Наказных атаманов на Высочайшее имя, начиная с 1870-х гг. Генерал-майор А.А. Суров, занимавший в казачьем отделе должность делопроизводителя, снабдил Акулинина многими письменными материалами, поступавшими из войска в различные петербургские учреждения. Из библиотеки Главного штаба Акулинин брал книги Ф.М. Старикова: «Откуда взялись казаки» и «Историко-статистический очерк оренбургского казачьего войска», а в книжном магазине Главного штаба приобрел одиннадцатый том многотомного издания «Столетие военного министерства», посвященный казачьим войскам.

В свободное время Акулинин занимался в публичной библиотеке, где делал выписки из иностранных источников (в том

числе и на латинском языке), содержавших сведения о казаках. В конце концов, у Акулинина оказался обширный материал. На основе собранных документов Акулинин планировал осуществить целый ряд проектов, так или иначе связанных с историей его войска:

1) написать для защиты диссертации общую историю Оренбургского войска, как опыт исторического исследования, основанный на собранных материалах;

2) составить, пользуясь трудами комиссии генерала Н.Г. Лобова и некоторыми другими источниками, две отдельных работы, чисто военного характера:

а) Участие оренбургских казаков в войнах России, т. е. вне территории войска;

б) Служба оренбургских казаков на линии, т. е. на территории войска;

3) составить, на основе ежегодных донесений Наказных атаманов на Высочайшее имя и сношений с Главным управлением казачьих войск, особый Военно-статистический очерк оренбургского войска;

4) привести в порядок и опубликовать записки войскового старшины Н.К. Бухарина, которые, из-за смерти автора, остались необработанными [9, с. 13].

Однако большей части этих планов не суждено было осуществиться, помешала война. Первая мировая война застала Акулинина в Петербурге в Офицерской кавалерийской школе.

В годы войны И.Г. Акулинин служил сначала на фронте, а затем в Главном управлении Генерального штаба (ГУГШ) [7, с. 5]. Особенно яркие воспоминания у него остались от маневренного периода войны, когда ему довелось служить на должностях Генерального штаба в коннице. В то время Акулинин приобрел бесценный боевой опыт, пригодившийся ему в годы Гражданской войны.

На фронт он пошел старшим адъютантом по строевой части (с 6 августа 1914 г.) штаба 3-й Донской казачьей дивизии генерал-майора С.В. Евреинова. Дивизия Акулинина действовала на левом фланге Гренадерского корпуса в интервале между 4-й и 5-й армиями. В эмиграции Акулинин написал труд «3-я Донская казачья дивизия в

боях под Люблином», но по финансовым причинам издать его не смог [13]. Дивизия была второочередной, казаки еще не втянулись в боевую работу, офицеры прибыли частично со льготы, частично из первоочередных полков, как писал сам Акулинин, среди казаков было много так называемых «кормяков» (от слова кормить) – казаков, никогда не служивших в первоочередных полках. Пулеметов и телефонов не имелось. Уже в августе сотни были измотаны беспрерывными передвижениями, люди не получали достаточно горячей пищи [10, с. 5].

Акулинин отличился в первых же боях – 8 августа у поселка Горай, 19-го – у Седлиска велька, где исполнял обязанности начальника штаба при отряде генерала Н.Г. Володченко, а 20-го – у села Олесники. За эти отличия он был представлен к производству в есаулы [44, л. 232].

19 августа (1 сентября) казаки самоотверженно прикрывали железнодорожную станцию Травники и железнодорожный мост через реку Вепрж, разрушение которого грозило приостановкой железнодорожного сообщения между Люблином и Холмом и выходом противника во фланг и тыл Гренадерского корпуса. Обороной самого моста руководил будущий видный деятель антибольшевистского движения на Дону подъяесаул И.Ф. Быкадоров.

Акулинин отличился 22 августа (4 сентября) 1914 г. в бою у деревни Горжков. Тогда у дивизии была возможность атаковать фланг и тыл отступающих австрийцев, однако ни начальник дивизии, ни командиры полков никак не могли решиться на это. Тогда Акулинин с ординарцами поскакал вперед, увлекая за собой сотню 32-го Донского казачьего полка и взвод оренбуржцев. Атака увенчалась успехом – был взят в плен батальон австрийской пехоты. Увидев впереди снимающуюся с места австрийскую батарею, Акулинин с казаками бросился и на нее, однако это предприятие успехом не увенчалось – импровизированный отряд Акулинина понес потери [3, с. 5–6].

За разработку плана и личное участие в стремительной конной атаке на сидевшую в окопах пехоту противника у села Драганы близ Тарнавки 26 августа (8 сентября) 1914 г. в составе 18-го Донского и 17-го

Оренбургского казачьих полков был награжден Георгиевским оружием (Высочайший приказ 5 мая 1915 г.). Идея конной атаки силами целой бригады возникла у Акулинина самостоятельно, приказ был отдан им на свой страх и риск в отсутствие командира бригады, уехавшего на соседний хутор и не отдававшего подобного приказа [3, с. 8; 4, с. 12].

По описанию самого Акулинина произошло следующее: «Хотя бригада находилась в боевой готовности, но сотням разрешено было кормить лошадей и поочередно водить на водопой; казаки кипятили в ближайших дворах и халупах чай. К полудню ожидалось походные кухни с горячим обедом. Погода стояла хорошая; был теплый солнечный день.

Около 12 часов раздались крики:

– Кавалерия, вперед! Кавалерия, вперед!

Крики неслись со стороны пехоты и передаваясь по рядам проходивших через деревню солдат и обозов, докатились до расположения казачьей бригады.

Из окрестных дворов и стодолов стали сбегаться – поодиночке и группами – казаки, направляясь к своим сотням. Офицеры скомандовали: «По коням!»

Приняв крики пехоты как сигнал к началу действий, полки подтянулись к дороге, ожидая приказаний.

К моему удивлению, несмотря на всеобщую суматоху, командира бригады на месте не было. Всего лишь четверть часа тому назад мы с ген. Кунаковым и бывшим при бригаде дивизионным врачом – статским советником Чеботаревым, сидели в одной халупе и пили чай

Разосланные мной по деревне ординарцы нигде командира бригады не нашли. Минуты бежали... Крики: «Кавалерия, вперед!» – усиливались...

Хотя было всего 12 часов дня, а ген. Веселовский рассчитывал овладеть неприятельской позицией около 16 часов, но противник мог начать отступление и раньше: в бою обстановка часто меняется – такие мысли мелькали у меня в голове под впечатлением криков пехоты.

Памятуя наказ ген. Веселовского – не пропустить момент для атаки – я, на свой

страх и риск, отдал командирам полков от имени командира бригады – приказание: немедленно развернуть боевой порядок: и атаковать противника, занимающего позицию впереди д. Драганы, между высотой и водным плесом реки Пор, с тем, чтобы, обскакав Тарнавскую высоту с юга, выйти здесь неприятелю в тыл.

Направление для атаки каждому полку я показал карандашом по карте и рукою на местности.

Командиры полков вывели свои полки из деревни и построили боевой порядок с поразительной быстротой и отчетливостью: Донцы – на правом фланге, оренбурцы – на левом.

18-й Донской казачий полк, имевший уже боевой опыт, пошел в атаку с соблюдением необходимых мер предосторожности, стараясь, насколько это было возможно, примениться к местности и боевой обстановке.

17-й Оренбургский казачий полк, только что прибывший на театр военных действий и вступавший в бой впервые, развернул полковую лаву, как на ученье, с соблюдением установленных дистанций и интервалов. Все перестроения полка были проделаны на виду у противника, по выходе из д. Драганы, на чистом месте. Перед началом атаки каждый оренбурец истово перекрестился и поплевал в правую ладонь – чтобы крепче держать клинок.

Местность к западу от д. Драганы была открытая, ровная, и казачьи лавы быстро доскакали до передовых окопов, занятых австрийской пехотой.

Атака казачьей бригады была так неожиданна и столь стремительна, что австрийцы растерялись и после беспорядочной стрельбы побросали окопы. Многие пехотинцы, спасаясь от казачьих пик и шашек, кинулись в воду.

Но германская пехота с высоты у д. Тарнавки, а также артиллерия из-за реки Пор, открыла по казакам частый огонь.

Казачьи лавы по инерции продолжали скакать вперед, хотя теперь всем было ясно, что противник не только не отступил, но продолжает занимать свои позиции, за исключением части австрийской пехоты, смятой конным ударом казачьей бригады.

Отдавая приказание об атаке, я исходил из предположения, что пехота ген. Веселовского перешла в наступление и сбила противника с его позиций западнее деревни Драганы, после чего и начались крики о поддержке конницей.

В начале атаки я скакал рядом с командиром 17-го Оренбургского казачьего полка. Когда казачьи лавы проскочили через первую линию австрийских окопов (окопы были полевого типа без проволочных заграждений), я начал сдерживать своего коня, чтобы посмотреть назад и убедиться: перешла ли в наступление наша пехота.

Описав несколько вольтов, я приостановился и стал всматриваться в сторону д. Драганы. На ближайшем, левом, фланге пехотной позиции было спокойно: лишь отдельные фигуры солдат, высунувшись из окопов, с любопытством следили за казачьими лавами» [4, с. 12–13].

Однако атака не была поддержана соседней пехотой, с интересом наблюдавшей за происходящим из своих окопов – когда возбужденный успешной атакой и захватом первой линии австрийских окопов Акулинин сначала послал к соседям ординарца, а затем и сам поскакал за поддержкой, ближайший ротный командир отослал его к батальонному, а тот заявил, что решение о переходе в наступление должен принять командир полка. Не оказала поддержки и вторая бригада своей же дивизии. Смелая инициатива молодого талантливого генштабиста была сведена на нет косностью, нерешительностью и апатией большинства других начальников, в результате атака захлебнулась. Тем не менее, казаками было взято около 300 пленных. Потери составили 2 офицера, до 15 казаков и до 50 лошадей убитыми и 5 офицеров, до 40 казаков и до 50 лошадей ранеными. За боевые отличия в боях августа 1914 г., в которых Акулинин успешно исполнял должность начальника штаба при отряде Генерального штаба генерал-майора Н.Г. Володченко, молодой офицер был представлен к чину есаула.

12 ноября 1914 г. для обеспечения левого фланга 3-й армии был сформирован Ново-Сандецкий отряд (30-й и 32-й Донские казачьи полки, 9-я Донская казачья

батарея, 4-й батальон 44-го пехотного Камчатского полка). И. д. начальника штаба отряда был назначен Генштаба подьесаул Акулинин. На новой должности Акулинин блестяще зарекомендовал себя с первых же дней как опытный офицер Генштаба. Подвергаясь опасности, он лично руководил действиями войск, вел разведку, разрабатывал оперативные планы. Акулинин понял важность удержания Нового Сандеца для выполнения боевой задачи. В результате силами отряда удалось сдержать австрийцев до подхода частей 8-й армии. В дальнейшем на этом участке в районе городов Лиманова и Лапанов русские войска были вынуждены отражать австрийское контрнаступление.

За бои 23 ноября под Старым и Новым Сандецами Акулинина удостоили ордена Св. Георгия 4-й степени. Однако вопрос о награждении вызвал в 1915 г. длительную переписку и споры относительно того, соответствовал ли подвиг награде.

В представлении говорилось, что Акулинин: «представляется к награждению орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4^й ст. за то, что исполняя должность начальника штаба вверенного мне отряда, на основании лично произведенной им разведки под огнем неприятеля, составил план обороны г. Новый Сандец, вполне согласно с поставленной отряду задаче[й]. Участвовал в боях под г.г. Новый и Старый Сандец, подвергая свою жизнь явной опасности. Возложенная на отряд задача была выполнена (обеспечение левого фланга 3^й армии). Признаю подьесаула Акулинина моим главным и весьма полезным сотрудником при выполнении трудной обязанности выпавшей на долю моего отряда. § 69 статута. № 219 9 декабря 1914 г. Начальник особого отряда в г. Новый Сандец генерал-майор Кунаков» [44, л. 232 об.].

Командир Конного корпуса Генерального штаба генерал-лейтенант А.М. Драгомиров отметил: «Вполне достаиваю. Действия отряда генерала Кунакова были выше всякой похвалы, вполне соответствовали обстановке и возложенной на отряд задаче и были проникнуты большим знанием дела, выдающейся предприимчивостью и мужественным исполнением. Ходатайствую о

награждении его непосредственного помощника наградой – орд[еном] Св. Георгия 4^й ст., по ст. – 69 – статута. Ген[ерал]-л[ейтенант] Драгомиров» [44, л. 233].

В приложении к наградному листу начальник Ново-Сандецкого отряда генерал-майор Кунаков писал: «12 ноября 1914 г. конный корпус ген[ерала] Драгомирова 2-го выступил из Н. Сандеца на Тымбарк.

Я с отрядом – силою в 1 б[атальо]н 44 пех[отного] Камчатского п[ол]ка, 30 и 32 Донск[их] каз[ачьих] п.п.⁶ и 9 Донск[ой] каз[ачьей] батареи – был оставлен в г. Н. Сандецы.

Задача отряду была поставлена: обеспечивать левый фланг III армии и тыл Конного корпуса; производить разведку в сторону Карпатских проходов.

Задача кончалась с подходом к Н. Сандецу частей 8 армии.

Выполнение указанной задачи сводилось прежде всего к удержанию в наших руках Н. Сандеца, как узла путей, как важнейшей переправы (прекрасный мост) через р. Дунаец и как крупного населенного пункта, где сосредоточилась масса беглецов со всех окрестных и дальних городов и местечек.

Разведку местности вокруг Н. Сандеца и выбор позиций – по моему указанию – произвел и. д. начальника штаба отряда Причисленный к Генеральному штабу Л[ейб]-гв[ардии] Сводно-Казачьего полка подьесаул Акулинин, который составил и общий план действий моего отряда под Н. Сандецем.

В своем плане подьесаул Акулинин считал необходимым – в случае наступления противника в превосходных силах – не ограничиваться пассивной обороной у самого города, но – при всякой попытке противника продвинуться к Н. Сандецу – развивать самые активные действия, встречая неприятеля встречным ударом или предупреждая его наступление. Занятие, выбранных подьесаулом Акулининым позиций – на западной, южной и юго-восточной окраинах города – (на путях вероятного наступления противника), – предполагалось лишь в крайнем случае.

⁶ Т. е. полков.

План подъесаула Акулинина я вполне одобрил.

Кроме того подъесаул Акулинин указывал на большое значение Ст. Сандеца (в 7 вер. от Н. Сандеца), как пункта, где сходятся пути от Неймаркта (долиной р. Дунайца) и со стороны Венгрии (долиной р. Попрада). Прочное положение отряда в Н. Сандеце обуславливалось занятием Ст. Сандеца и д. Новоиовка, лежащей в 7 вер. от Н. Сандеца на направлении Н. Сандец – Бартфельд.

Указанные пункты были мною заняты.

План подъесаула Акулинина оказался вполне жизненным, что подтвердилось последующими событиями.

В ночь с 12 на 13 ноября противник, оттеснивший мою разведывательную сотню от Н. Веси (на направлении Н. Сандец – Бартфельд) к д. Новоиовка – на утро был отброшен обратно отрядом п[олковни]ка Косоротова.

Попытка австрийцев продвинуться от Рытро к Ст. Сандецу также была остановлена п[олковни]ком Золотницким,⁷ высланным с отрядом из Н. Сандеца.

В боях обоих отрядов, деятельное участие принимал и подъесаул Акулинин, проявив выдающуюся храбрость, мужество и хладнокровие, исполняя мои поручения по управлению боем.

Разведка от Н. Сандеца в сторону Карпатских проходов была организована подъесаулом Акулининым прекрасно и я всегда имел сведения о всех движениях и действиях противника к югу и западу от Н. Сандеца. Освещались направления на Бартфельд, Эперьеш, Кнессен, Неймаркт, а под конец на Лиманова и Чхов.

В период 12–20 ноября противник делал неоднократные попытки со стороны Карпатских проходов продвинуться к Н. Сандецу, но все они были отражены, при этом во всех затруднительных случаях подъесаул Акулинин являлся моим ближайшим сотрудником, умея находить выход из самого затруднительного положения.

Положение отряда сделалось особенно тяжелым с 20 ноября, когда противник по-

вел наступление на Нов. Сандец со стороны Тымбарка, Лацко (долиной р. Дунайца) и Рытро (долиной р. Попрада), тем более – к этому времени 32 п[олк] из моего отряда был отправлен в Конный корпус ген[ерала] Драгомирова.

План подъесаула Акулинина действовать по внутренним операционным линиям, опрокидывая противника встречным ударом оказался при сложившейся обстановке единственно выгодным.

Оставляя небольшие заслоны, я обыкновенно выступал с отрядом на направление наиболее угрожаемое. Так, было отражено и приостановлено наступление противника со стороны Канина (на шоссе Н. Сандец – Тымбарк), Лацко (по долине р. Дунайца) и Рытро (долиной р. Попрад).

С утра 21 ноября противник, силою около 2–3 батальонов с пулеметами и 2-мя орудиями, повел планомерное наступление со стороны Лацко и Рытро и после горячего боя с моими спешенными сотнями, угрожая обоим флангам, завладел Ст. Сандецем, после чего стал продвигаться и к Н. Сандецу. Встретить наступление противника всеми силами отряда не представлялось возможным: часть сил приходилось держать для обеспечения моста в западном направлении, т. к. и здесь противник – особенно конница – угрожал наступлением. Положение отряда становилось критическим: для противника вполне определилась слабость наших сил, и к вечеру он занял высоты у предместья города – сл. Домбровки. Ясно было – если не ночью, то завтра днем противник овладеет Н. Сандецем.

Разбирая всесторонне обстановку, подъесаул Акулинин предложил, оставив небольшой заслон в сторону Канина, со всеми остальными частями перейти в энергичное наступление против частей противника, подступивших к Н. Сандецу с юга.

А чтобы скрыть слабость наших сил и вместе с тем создать иллюзию у противника, что к нам подошли подкрепления – подъесаул Акулинин настаивал произвести на противника ночную атаку, при этом разработал и сам план атаки, сводившейся к охвату правого фланга пр[отивни]ка.

Утвердив план подъесаула Акулинина, я приказал отряду к 12 ч[асам] н[очи] пе-

⁷ Командир 30-го Донского казачьего полка.

рейти в решительное наступление, которое закончилось полным успехом: противник не только был отбит от Н. Сандеца, но и Ст. Сандец, после горячей перестрелки и боя на улицах, перешел в наши руки, при этом было захвачено в плен 1 офицер и 86 ниж[них] чинов; 1 офицер (ротный командир) и около 100 ниж[них] чин[ов] было брошено убитыми. Наши потери: 2 офицера ранено, 10 ниж[них] чин[ов] убито и 51 ранено.

Но вскоре после взятия нами Ст. Сандеца к противнику долиной Дунайца подошли подкрепления – 2–3 батальона которых при поддержке артиллерии повели энергичное наступление, стараясь охватить наши фланги и выйти долиной р. Дунайца нам в тыл. Мой отряд в Ст. Сандеце и на левом берегу р. Попрада держался до последней крайности и отошел лишь тогда, когда со стороны Рытро обозначилось наступление колонны в тыл.

Отряд отошел на позицию у д. Домброва, чтобы здесь оказать или упорное сопротивление или с наступлением темноты снова произвести контратаку, но в это время к Н. Сандецу подошли части 14 пех[отной] д[ивизии], которым и было сдано направление на Ст. Сандец. Я сосредоточил свой отряд впереди моста, чтобы действовать в направлении на Канина. К вечеру и здесь мой отряд сменил авангард 15 пех[отной] дивизии.

В боях под Ст. и Н. Сандецом, подъесаул Акулинин принимал самое деятельное участие, подвергая свою жизнь явной опасности, – под сильным шрапнельным и ружейным огнем он спокойно исполнял свои обязанности по должности начальника штаба; когда нужно – доходил до стрелковых цепей, чтобы следить за всеми перипетиями боя.

С передачей г. Н. Сандец частям 8 корпуса задача моего отряда закончилась. При этом задача – обеспечивать левый фланг III армии до по[д]хода частей VIII армии – была выполнена. Мне оставалось двигаться с отрядом на присоединение к Конному корпусу, но, по просьбе к-ра 8 к-са ген[ерала] Орлова, я на следующий день со своими частями принял участие в бою в от-

ряде графа Келлера, который вел наступление от сл. Домбровки на Ст. Сандец.

Ст. Сандец был взят штурмом к вечеру. И в этом деле подъесаул Акулинин продолжал исполнять при мне обязанности начальника штаба.

Затем мой отряд действовал в районе д. Воякова с 25 по 28 ноября, а с 29 ноября по 3 декабря в Конном корпусе ген[ерала] Рубец, когда сдерживая напор противника, пришлось выдержать ряд тяжелых арьергардных боев в районе Якобковице, Чхова и Закличина. Все эти дни подъесаул Акулинин, состоял при мне и был моим ближайшим помощником.

В заключение считаю долгом отметить вообще громадное влияние на успешные действия моего отряда подъесаула Акулинина, который в период 12 ноября – 3 декабря доказал, что он прекрасный офицер Генерального штаба с большим боевым опытом, приобретенным еще в русско-японской войне, лично храбрый, смелый и решительный, быстро разбирается в обстановке, искусно намечает план действий, умело и настойчиво проводит его в жизнь.

О мужестве, храбрости и как об отличном офицере Генерального штаба – подъесауле Акулине – могут засвидетельствовать н[ачальник] 10-й кавалерийской дивизии граф Келлер и бывший командир Конного корпуса ген[ерал] Рубец. “12” декабря 1914 г. г. Тарнов» [44, л. 235–237 Об.].

По свидетельству командира 30-го Донского казачьего полка полковника П.Н. Золотницкого, «со времени формирования особого Сандецкого отряда с 12 ноября 1914 года, исполнявший обязанности начальника штаба отряда подъесаул, ныне Капитан Генерального Штаба, Акулинин, принимал самое деятельное участие в обороне его. В виду условий местности, возможности появления противника в 4^х направлениях, незначительности сил отряда и необходимости строгой экономии их и особой тщательности разведки, капитан Акулинин производил их с первого дня обороны в направлении на Lacko, Alt-Sandez, Baguse, Rubien, выдвигаясь вместе с разведывательными частями, что известно мне не только из докладов начальников разведывательных сотен, но чему я неоднократно

сам был свидетелем вместе с подьесаулом Ситниковым, ныне находящимся при штабе III армии; при чем при столкновении с противником капитан Акулинин руководствовал боем подвергаясь личной опасности и выказывая полное презрение к ней. Личные разведки, кроме тщательного знания местности, дали капитану Акулинину в связи с войсковой разведкой достаточные данные для суждения о расположении частей противника. При занятии нашими охраняющими частями различных пунктов, в виду обширности района и невозможности начальнику отряда побывать во всех местах, по поручению его капитан Акулинин бывал на большинстве пунктов, лично ознакомливая частных начальников с задачей, местностью, планом обороны.

При увеличении сил противника, капитан Акулинин был инициатором идеи активной обороны Н. Сандеца, разработал план наступления, принятый начальником отряда, следствием чего явилось в ночь с 18 на 19 ноября наступление большей части нашего отряда в главном направлении на фронт Baruce – Nowazowa, принимая личное участие в ночной атаке, при одной из пехотных колонн, последствием которой было отступление охраняющих частей противника, сбитых нами с потерей ими 18 чел. пленными.

При общем переходе австрийцев в наступление, когда совершенно была потеряна связь с дивизией и наш отряд был пред[о]ставлен самому себе, капитан Акулинин, как мне известно, на основании задачи поставленной отряду – удержать Н. Сандец до подхода частей 8 армии, продолжая энергично разведки, составил дальнейший план обороны его, разграничив на участки.

При нашем переходе в наступление, капитан Акулинин разработал план его, сам принимал участие в обороне Н. Сандец на западном участке и по миновании там опасности прибыл к юго-восточному участку к д. Bugonice и, по сдаче мной этого участка начальнику отряда, по прибытии его сюда, принял самое деятельное участие в дальнейшей его активной обороне.

Из вышеизложенного видно, что капитан Акулинин исполнял обязанности на-

чальника штаба при начальнике Н.-Сандецкого отряда с 12 по 27 ноября 1914 г. на основании личных разведок, сопряженных для него с большой опасностью, составив план операций соответствующий основным намерениям высшего начальника, при выполнении самой операции принимал деятельное участие в бою и по удостоверению также начальника отряда генерала Кунакова, одержавшего над неприятелем победу, безусловно являлся главным сотрудником начальника отряда в успешном достижении поставленной отряду ответственной задачи – охранять левый фланг III армии и удерживать противника впредь до подхода к Н.-Сандецу частей 8 армии» [44, л. 239–240 об.].

Как отмечал полковой адъютант 30-го Донского казачьего полка подьесаул Ситников, «приказом по конному корпусу генерала Драгомирова от ноября 1914 года за №⁸ капитан Акулинин был назначен начальником штаба отряда генерал-майора Кунакова – состоящего из 30го и 32 Донских казачьих полков, 9^й Донской казачьей батареи и 4го бат-на 44 пехотного Камчатского полка. На отряд была возложена задача – обеспечить левый фланг III армии, при наступлении ее в общем направлении к Кракову, обеспечить тыл и пути сообщения Конного корпуса генерала Драгомирова, при его выдвижении в направлении на г. Тымбарк.

При составлении плана операции Капитаном Акулининым было придано особенно важное значение г. Н. Сандец, как пункту, лежащему на путях сообщения Конного корпуса, а также как узлу дорог: от Тымбарка, с юго-запада от Неймарктской котловины, с юга – со стороны Карпатских проходов, – вследствие чего капитаном Акулининым было предложено удерживать г. Н. Сандец во что бы то ни стало. При оценке путей ведущих от противника капитаном Акулининым было обращено особенное внимание на пути ведущие от Карпатских проходов: 1) Бела – Кнесен – Пивнична – Ритро – Н. Сандец. 2) Эпервеш – Зебен – Муссина – Пивнична – Н. Сандец. 3) Бартфельд – Тумич – Н. Весь – Н. Сан-

⁸ В документе пропущено место для номера приказа.

дец. 4) Бартфельд – Идбы (? – А.Г.) – Избы – Грибов[.] 5) Бартфельд – Зборо – Здыня – Горлице – вследствие этого в течение всей операции у г. Н. Сандец указанные пути непрерывно разведывались сотнями и разъездами от 30 и 32 Донских каз. полков. Лично капитаном Акулининым были произведены⁹ и 14 ноября 1914 года разведки расположения противника у прохода Ритро. Во время разведок капитан Акулинин, под сильным ружейным огнем противника с явной опасностью для жизни проникал на высоты 465, 487 и совершенно точно определял группировку австрийских частей у названного прохода. 21 ноября 1914 года по получении сведений о наступлении значительных сил австрийцев с юга, долиною р. Попрад, и горным массивом, что между долинами р.р. Попрад и Каменица – лично, с явной опасностью для жизни произвел разведку противника в район дер. Zelesznikowa WK, причем совершенно точно выяснил наступление колонны австрийцев силою около батальона в направлении на дер. Dabrowka Pls. и стремление пр[отивни]ка отрезать наши сотни (2^{ве} сотни 30 Донск. каз. полка и Одна сотня 32 полка) занимающие г. Ст. Сандец, и тем открыть свободный доступ к г. Н. Сандец долинами р. Дунаец и Попрад. На основании этой личной разведки Капитан Акулинин следующий план операции – сковав противника на фронте при д ушировании с гор (13 и 14 р-тами 44 пех. полка) энергичной ночной атакой с глубоким обходом правого фланга противника 15^й ротой и д умя сотнями 30 Донского каз. полка от дер. Nawojowa – нанести противнику сильный встречный удар, чем приостановить е о наступление г. Н. Сандец. План операции был одобрен н[ачальни]ком отряда генерал-майором Кунаковым. При развитии ночью о боя, в то время, когда австрийская пехота, выйдя долиною р. Дунаец к Ст. Сандец, заняла е о, капитаном Акулининым было пре ложено энергичной атакой 3^х спешенных сотен 30 Донского каз. полка овладеть г. Ст. Сандец. Во время атаки г. Ст. Сандец капитан Акулинин лично принял в ней участие, проявив

под сильнейшим огнем противника полное пре фние к опасности.

Прове енный в жизнь план действий капитана Акулинина имел следующие блестящие ре ультаты: противник был оа-новлен на всем фронте е о наступления; Пехотная колонна противника, стремившаяся д ушировать с горно о массива мжду реками Попрад и Каменица, была уничтожена – частью сдалась в плен, частью погибла. Сотни 30 Донского каз. полка после кровопролитного рукопашного боя овладели Ст. Сандецом.

К утру 22 ноября расстроенные части пр[отивни]ка группировались лишь только на горном массиве к югу от г. Ст. Сандец (между р.р. Дунаец и Попрад), горный же массив между р.р. Попрад и Каменица был от австрийцев сове шенно очищен. Благодаря этому при повторной атаке австрийцев (около 7 час. утра 22 ноября), не имевших возможности развить фронта наступления, явилась полная возможность, заняв частями отряда выс. 357, задержать противника до подхода головных частей 8го армейского корпуса» [44, л. 241–242].

Другие участники событий также отметили выдающуюся роль Акулинина. Однако представление к ордену Св. Георгия 4-й ст. командующий 3-й армией направил на исследование, что потребовало новых свидетельств [44, л. 277 об.]. Лишь 28 августа 1916 г. был издан Высочайший приказ о награждении офицера.

В 1915 г. весь академический выпуск 1913 г., включая само о Акулинина, был переведен в Генеральный штаб [63, л. 56–58]. Акулинин был переведен в Генеральный штаб 2 февраля 1915 г. и переименован в капитаны. Более то о, уже весной 1915 г. в Ставку поступило представление е о к чину подполковника. Как говорилось в документе, он был представлен «за производство успешных рЧ опцировок под ружейным и артиллерийским огнем» [64, л. 132–132 об.]. К этому моменту он уже был награжден шестью орденами (из которых пять считались боевыми), а также представлен к Георгиевскому оружию и мечам к ордену Св. Анны 2-й ст. (награжден 11 мая 1915 г.). Конечно Акулинин был офицером большой личной храбрости,

⁹ Оставлено место, чтобы дописать дату.

**Рис. 2. Капитан И.Г. Акулинин. 1916 г.
Новое время (Петроград). 1916. 04.06.**

но потоку наград и представлений, скорее всего, способствовали неплохие личные отношения с начальством, на которое Акулинин умел произвести впечатление. Эти обстоятельства ничуть не умаляют его заслуг на фронтах.

Подобные необоснованные представления регулярно отклонялись, тем более, что в случае своего производства Акулинин обогнал бы по службе сразу 212 капитанов Генерального штаба. Между тем, в годы Первой мировой войны вопросы старшинства отслеживались как армейским руководством, так и самими офицерами очень ревностно. Трудно предположить, какой бы последовал поток представлений о производстве и гневных писем в случае подобного прецедента. Для производства в младший штаб-офицерский чин подполковника требовалось прослужить не менее трех лет в обер-офицерских чинах по Генеральному штабу, в случае же Акулинина отсчет велся с 1 января 1916 г. По закону в штаб-офицеры по линии Генштаба он мог быть произведен не ранее 6 декабря 1918 г. (у белых к этому времени он уже стал генерал-майором). Но во время войны допускались отступления от правил, в связи с чем на следующий год Акулинин сумел стать подполковником и полковником.

Произошло это не в одночасье и не без осложнений. Так, 30 января 1916 г. производство Акулинина в подполковники было повторно отклонено, но в феврале 1916 г. командование попыталось добиться его производства на основании георгиевского

статута [65, л. 37, 52]. Судя по всему, попытка увенчалась успехом. Подполковником он значился с 26 марта 1916 г.

Острая нехватка офицеров Генерального штаба в армии нередко приводила к настоящей борьбе за каждого квалифицированного специалиста. Так, в феврале 1916 г. в Ставку поступило ходатайство о назначении Акулинина старшим адъютантом штаба Кавказской кавалерийской дивизии [62, л. 1а]. Однако тогда же поступило ходатайство об отчислении Акулинина по болезни в распоряжение начальника Генерального штаба [62, л. 3]. Вскоре Акулинин был эвакуирован на Кавказ.

В начале августа 1916 г. в штаб Походного атамана всех казачьих войск была направлена телеграмма: «Сообщаю Вашему Превосходительству, что подполковник Акулинин предположен к назначению на штатную должность в Главном управлении Генерального штаба в соответствии с выраженным им желанием. [№] 29824. Беляев» [66, л. 57]. Затем Акулинин был вызван в Петербург и 17 августа назначен на должность помощника делопроизводителя в ГУГШ, где и проработал вплоть до осени 1917 г. (с января 1917 г. – делопроизводитель). Назначение произошло из распоряжения начальника Генерального штаба и состоялось без согласия Ставки [61, л. 54]. По данным на 4 сентября 1916 г. Акулинин служил в 6-м (балканском) делопроизводстве части 1-го обер-квартирмейстера ГУГШ [60, л. 1–1об.]¹⁰.

Казалось бы, появилась возможность возобновить исторические исследования, но работа на новой должности отнимала все свободное время. Приходилось участвовать в различных комиссиях, ездить в Государственную Думу, снабжать сведениями военные миссии союзных держав, работать с представителями прессы. Кроме того, с конца 1915 г. Акулинин преподавал тактику во Владимирском военном училище и в Пажеском корпусе и состоял членом Георгиевской Думы. Как участник междусоюзнической конференции стран Антанты Акулинин был награжден французским ор-

¹⁰ Сведения любезно предоставлены канд. ист. наук В.Б. Кашириным (Москва).

деном Почетного Легиона. По всей видимости, речь идет о конференции в Петрограде в феврале 1917 г., в ходе которой было достигнуто соглашение о переходе русской армии в наступление во второй половине апреля того же года [71, с. 178].

К 1917 г. относится начало активной публицистической деятельности Акулинина. Он выступает с рядом статей о казачестве на страницах только что учрежденной газеты «Оренбургский казачий вестник» [1; 8]. Несмотря на загруженность работой, Акулинин сумел в 1916–1917 г. завершить литературную обработку записок войскового старшины Н.К. Бухарина, изображавших суровый быт оренбуржцев на линии. Итогом работы стали около сотни рассказов и очерков, незначительная часть которых была в 1917–1918 гг. опубликована в «Оренбургском казачьем вестнике» под общим названием «Очерки прилинейной жизни оренбургских казаков» ...» [39, 21 июля, 23 июля; 40, 26 января]. Как вспоминал сам Акулинин, «получился ряд бесхитростных рассказов, в которых весьма ярко и красочно отражалась жизнь казаков на линии, полная тревог и опасностей...» [9, с. 13].

Несмотря на то, что эти произведения уже публиковались в «Материалах к историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска», Акулинин считал необходимой их перепечатку для ознакомления как можно большего числа казаков со своим прошлым.

Революционный 1917-й год полковник (произведен в 1916 г. со старшинством с 8 августа 1916 г.) Акулинин встретил уже сложившимся офицером Генерального штаба с обширным опытом двух войн, высокими боевыми наградами и стремлением к дальнейшей успешной карьере. Выходец из уральской глубинки, он сумел выбиться на руководящие посты в ГУГШ, участвовал в работе с представителями союзников по Антанте, был удостоен высокого иностранного ордена. В условиях развала страны Акулинин решил вернуться к своим казачьим корням, о которых никогда не забывал, даже будучи генштабистом. Это решение предопределило его последующий идейный выбор и судьбу.

Статья поступила 01.06.2015 г.

Библиографический список

1. Акулинин И.[Г.]. Войсковой клад // Оренбургский казачий вестник. 1917. № 13. 28. 07. С. 3–4.
2. Акулинин И.Г. В поезде. Картины прошлого (Продолжение) // Луч Азии (Харбин). 1939. № 60–8. С. 14.
3. Акулинин И.Г. Из боевого опыта // Часовой. 1937. № 184. 05.02. С. 5–6.
4. Акулинин И.Г. Конная атака у д. Драганы 8 сентября (26 августа) 1914 года. По личным воспоминаниям // Оренбургский казак. Сб. Харбин. 1938. С. 12.
5. Акулинин И.Г. На казачьих подводах // Казачий сборник. Издание казачьего союза. Париж. 1930. С. 81, 85, 88.
6. Акулинин И.Г. На разведке под Вафандяном. 31 мая (13 июня) 1904 года // Сибирский Казак. Войсковой Юбилейный Сборник Сибирского Казачьего Войска. Вып. 1. Наше прошлое до Великой войны 1914 года / Под ред. Е.П. Березовского. Харбин, 1934. С. 114.
7. Акулинин И.Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917–1920. Шанхай, 1937. С. 5.
8. Акулинин И.[Г.] Расквартирование оренбургских полков // Оренбургский казачий вестник. 1917. № 11. 23.07. С. 4.
9. Акулинин И.Г. Справка по истории Оренбургского казачьего войска // Луч Азии (Харбин). 1937. № 34/6. С. 13.
10. Акулинин И.Г. 3-я Донская казачья дивизия в боях под Суходолами и у ст. Травники 1–3 сентября (19–21 августа). Воспоминания участника // Часовой (Париж). 1938. № 219. 15.09. С. 5.
11. Акулинин И.[Г.] Что вспомнилось // Оренбургский казак. Сб. Харбин. 1937. С. 8–10.
12. Архив Гуверовского института (Hoover Institution Archives. Stanford University, HIA). Vrangeli Family Papers. Box 6. Folder 3. Shatilov P.N. Memoirs. Л. 118.
13. HIA. S.V. Denisov collection. Box 3. Folder 11.

14. Белов А.И. Л.-гв. Сводно-казачий полк и Сибирская полусотня в нем // Сибирский казак. Войсковой юбилейный сборник Сибирского казачьего войска 1582–1932 / Под ред. Е.П. Березовского. Харбин, 1934. Вып. 1. С. 175–186.
15. Воскобойников Г.Л. Казачество в Первой мировой войне. М., 1994.
16. Ганин А.В. Вожди антибольшевистского движения оренбургского казачества в Николаевской академии Генерального штаба, 1901–1914 гг.: Опыт историко-психологического исследования // Русский сборник. Исследования по истории России XIX–XX вв. М., 2004. Т. 1. С. 152–196.
17. Ганин А.В. II Оренбургский казачий корпус (февраль – апрель 1919 г.): особенности формирования и участие в боевых действиях // Гражданская война на Востоке России: новые подходы, открытия, находки. Материалы научной конференции в Челябинске 19–20 апреля 2002. М., 2003. С. 80–85.
18. Ганин А.В. Генерал-майор И.Г. Акулинин // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2000. № 8. С. 85–91.
19. Ганин А.В. Жизнь и судьба И.Г. Акулинина // Станица. 2000. № 1 (31). С. 23–24.
20. Ганин А.В. Заговор против атамана Дутова в воспоминаниях очевидцев // Археология Южного Урала. Материалы Третьей Межрегиональной науч.-практ. конф. 30 сентября 2003 года. Уфа, 2003. С. 27–36.
21. Ганин А.В. Казак в эмиграции: судьба генерала И.Г. Акулинина (1920–1944 гг.) // Новый исторический вестник (Москва). 2004. № 2 (11). С. 174–182.
22. Ганин А.В. Накануне катастрофы. Оренбургское казачье войско в конце XIX – начале XX вв. (1891–1917 гг.). М., 2008.
23. Ганин А.В. Оренбургские казаки в Восточном Прикаспии осенью 1919 – весной 1920 г. // Новый Часовой. Русский военно-исторический журнал (Санкт-Петербург). 2002. № 13–14. С. 373–380.
24. Ганин А.В. Оренбургские казаки в рядах Отдельной Уральской армии 1919–1920 гг. // Горынычъ. Краеведческий сборник. Уральск, 2007. Ч. 2. С. 34–110.
25. Ганин А.В. Попытка свержения атамана А.И. Дутова в Оренбурге в декабре 1918 г. // История белой Сибири: Материалы 5-й международной науч. конф. 4–5 февраля 2003 г. Кемерово, 2003. С. 151–154.
26. Ганин А.В. Российский историк генерал-майор И.Г. Акулинин // Труды науч. конф. «Ломоносов-2000». История / Отв. ред. А.Ю. Андреев. М., 2000. С. 34–36.
27. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). ГАОО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 377. Ч. 1.
28. ГАОО. Ф. 21. Оп. 9. Д. 3.
29. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 155.
30. ГАОО. Ф. Р-1912. Оп. 2. Д. 22. Ч. 3.
31. Гос. архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5942. Оп. 1. Д. 47.
32. Гришин М. В стане казаков // 1905 год в Оренбургской губернии (к 20-летию первой русской революции 1905 года). Оренбург, 1925. С. 59.
33. Дерябин А.И. Первая мировая война 1914–1918.
34. Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. М., 1989. Т. 1.
35. История казачества азиатской России. Вторая половина XIX – начало XX века. Екатеринбург, 1995. Т. 2. С. 97.
36. Кавалерия Российской Императорской Гвардии. М., 2000; Императорская гвардия. Справочная книжка Императорской Главной квартиры. Изд. 2-е. Под ред. В.К. Шенк. По 1-е мая 1910 г. СПб., 1910.
37. Казачий словарь-справочник. Кливленд, 1966. Т. 1. С. 30.
38. Назаров Н. Казаки идут в революцию // Урал. 1980. № 11. С. 159.
39. Оренбургский казачий вестник. 1917.
40. Оренбургский казачий вестник. 1918.
41. Очерки истории Оренбургской областной организации КПСС. Челябинск, 1983. С. 23.
42. Революционное движение в Оренбуржье. 1905–1907: Сб. док. и мат. Челябинск, 1982. С. 110.
43. Российский гос. военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 330. Оп. 49. Д. 805.
44. РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 27061.
45. РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1343.
46. РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1360.
47. РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1384.
48. РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1397.
49. РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1400.
50. РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1401.

51. РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1416.
52. РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1420.
53. РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1431.
54. РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1432.
55. РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1452.
56. РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1453.
57. РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1467.
58. РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 59.
59. РГВИА. Ф. 1720. Оп. 6. Д. 62.
60. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3134.
61. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1251.
62. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1271.
63. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1276.
64. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1318.
65. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1319.
66. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 87.
67. РГВИА. Ф. 3612. Оп. 1. Д. 15.
68. Российский гос. военный архив. Ф. 39768. Оп. 1. Д. 4.
69. Русско-японская война 1904–1905 гг. Т. 2. Первый период. Ч. 1. От начала военных действий до боя под Вафангоу 1 июня. Работа военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны. СПб., 1910.
70. Русско-японская война 1904–1905 гг. Т. 2. Первый период. Ч. 2. Бой под Вафангоу и военные действия до боя у Ташичао. Работа военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны. СПб., 1910.
71. *Сенин А.С.* Военное министерство Временного правительства. М., 1995. С. 178.
72. Газета «Степь». 1906.
73. *Туркестанский.* Оренбургская гапоновщина. Расстрел у Беловской тюрьмы (22 мая 1906 г.) // 1905 год в Оренбургской губернии (к 20-летию юбилею первой русской революции 1905 года). Оренбург, 1925. С. 53.
74. «Устроиться всем казакам в пределах Китая не представляется возможным...» Письмо и памятная записка об оренбургских казаках генерал-майора И.Г. Акулинина / Вступительная статья, публикация и примечания А.В. Ганина // Источник. Документы русской истории. Приложение к журналу «Родина». 2002. № 1. С. 89–95.
75. Часовой. 1948. № 278. Октябрь. С. 21.
76. *Шатилов П.Н.* Воспоминания о Русско-японской войне (1904–1905 гг.) // Военно-исторический вестник (Париж). 1966. № 28. Ноябрь. С. 10.

Сведения об авторе

Ганин Андрей Владиславович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, редактор журнала «Родина» (Москва), 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, тел.: +7 (495) 938-17-80, e-mail: andrey_ganin@mail.ru

Ganin Andrei Vladislavovich, Doctor of Historical Science, Senior Fellow of the Institute of Slavistics Researches, Russian Academy of Sciences, Chief-redactor of the journal “Rodina”, Moscow, 119991, Russia, Moscow, Leninskii prospect, 32-A, tel.: +7 (495) 938-17-80, e-mail: andrey_ganin@mail.ru